

ГИЩЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

III

ДЕКАБРЬ

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Н. Гумилевъ	9
О. Мандельштамъ	12
Николай Бруни	13
Владимиръ Нарбутъ	18
М. Моравская	20
И. Эренбургъ	22
Павелъ Радимовъ	27
Критика	

1.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Я изъ дому вышелъ, когда всѣ спали,
Мой спутникъ скрывался у рва въ кустахъ,
Навѣрно на утро меня искали,
Но было ужъ поздно, мы шли въ поляхъ.

Мой спутникъ былъ желтый, худой, раскосый,
О, какъ я безумно его любилъ!
Подъ пестрой хламидой онъ пряталъ косу,
Глазами гадюки смотрѣлъ и нылъ.

О старомъ, о странномъ, о безбольномъ,
О вѣчномъ слагалось его нитье,
Звучало мнѣ звономъ колокольнымъ,
Ввергало въ истому, въ забытье.

Мы видѣли горы, лѣсъ и воды,
Мы спали въ кибиткахъ чужихъ равнинъ,
Порою казалось, идемъ мы годы,
Порою казалось—лишь день одинъ.

Когда жъ мы достигли стѣны Китая,
Мой спутникъ сказалъ мнѣ: „теперь прощай!
„Намъ разны дороги: твоя—святая,
„А мнѣ, мнѣ сѣять мой рисъ и чай.“

Мой путь протянулся свѣтло и прямо,
И мнѣ изъ бесѣдокъ цвѣтныхъ у водъ
Прохладныхъ кричали—„зайди къ намъ, лама!“
Но я улыбался и шелъ впередъ.

На бѣломъ пригоркѣ, надъ полемъ чайнымъ,
У пагоды ветхой сидѣлъ Будда,
Предъ нимъ я склонился съ восторгомъ тайнымъ,
И было сладко, какъ никогда.

Такъ тихо, такъ тихо надъ міромъ дольнымъ,
Съ глазами гадюки, онъ пѣлъ, и пѣлъ
О старомъ, о странномъ, о безбольномъ,
О вѣчномъ, и воздухъ вокругъ свѣтлѣлъ.

2.

П Т И Ц А.

Я не смѣю больше молиться,
Я забылъ слова литаній.
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нея—огни.

Вотъ, я слышу сдержанный клекотъ,
Словно звонъ истлѣвшихъ цимбалъ,
Словно моря дальняго рокотъ,
Моря, бьющаго въ груди скаль.

Вотъ, я вижу—когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи блестятъ рѣчныя,
Озаряемыя луной.

Я пугаюсь. Чего ей надо?
Я не юноша Ганимедъ.
Надо мною небо Элады
Не струило свой нѣжный свѣтъ.

Если жъ это голубь Господень
Прилетѣлъ сказать: „Ты готовъ!“
То зачѣмъ же онъ такъ несходенъ
Съ голубями нашихъ садовъ?

3.

С К А З К А.

На горѣ, среди того края,
Гдѣ рѣка Елизабетъ, протекая,
Скалитъ камни, какъ зубы, былъ замокъ.

На его зубцы и бойницы
Прилетали страшныя птицы,
Глухо каркали, предвѣщая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, съ рыжей шерстью.

Самъ хозяинъ былъ черенъ, какъ въ дегтѣ,
У него были острые когти,
Цѣпкій хвостъ подъ плащемъ онъ пряталъ.

Жилъ онъ тихо, хотя не медвѣдемъ,
И извѣстно было сосѣдямъ,
Что онъ просто напросто дьяволъ.

Но сосѣди его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Воронъ, оборотень и гiena.

Собирались они и до свѣта
Выли у рѣки Елизабета,
А потомъ въ домино играли.

И такъ быстро летѣло время,
Что простое крапивное сѣмя
Успѣвало взойти крапивой.

Это было еще до Адама.
Въ небесахъ жилъ не Богъ, а Брама
И на все онъ смотрѣлъ сквозь пальцы.

Жить да жить бы имъ безъ печали!
Но однажды въ ночь переспали
Вмѣстѣ оборотень и гѣна.

И родился у нихъ ребенокъ,
Не то птица, не то котенокъ,
И радушно былъ взятъ въ компанью.

Вотъ собрались они, какъ обычно,
И, повывъ надъ рѣвкой отлично,
За игру въ домино засѣли.

Только выигралъ все ребенокъ:
И бездонный пивной боченокъ,
И поля, и угодыя, и замокъ.

А какъ выигралъ, вздулся, какъ гряда:
„Уходите вы всѣ отсюда!
„Я ни съ кѣмъ не стану дѣлиться.

„Только добрую старую маму
„Посажу я въ ту самую яму,
„Гдѣ была берлога дракона.“

Вечеромъ по берегу Елизабета
Ѣхала черная карета,
А въ каретѣ сидѣлъ старый дьяволъ.

Позади тащились другіе,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая,

Кто храбрился, кто нылъ, кто сердился...
А въ то время Адамъ родился,
Богъ спаси Адама и Еву!

0. Манделъштамъ.

1.

Я не поклонникъ радости предвзятой—
Подчасъ природа сѣрое пятно—
Мнѣ въ опьяненъи легкомъ суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играетъ вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И, бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталѣ вино—
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

Когда показывают восемь
Часы собора исполина,
Мы въ полуснѣ твой призракъ носимъ,
Чужого города картина.

Въ рукахъ плетеня корзинки,
Служанки спорятъ съ продавцами,
Воркуютъ голуби на рынкѣ
И плещутъ сизыми крылами.

Хлѣба, серебряныя рыбы,
Плоды и овощи простые,
Крестьяне—каменные глыбы
И краски темныя, живыя.

А въ сѣткѣ пестраго тумана
Сгрудилась ласковая стая,
Какъ будто площадь утромъ рано—
Торговли skinія святая.

Тысячеструйный потокъ—
Журчала весенняя ласка.
Скользнула —мелькнула коляска,
Легкая, какъ мотылекъ.

Я улыбнулся веснѣ,
Я оглянулся украдкой—
Женщина гладкой перчаткой
Правила—точно во снѣ.

Въ путь убѣгала она,
Въ траурный шелкъ одѣта,
Тонкая вуалета—
Тоже была черна...

Николай Бруни.

МАТЕРИ.

Подъ тѣнью смерти склоненной
Упала ты въ забытье,
А я входилъ въ бытіе,
Ребенокъ новорожденный.

И смерть рукою костлявой
Готовила сонный ядъ,
И цѣпко впивался взглядъ,
И слѣпо лилась отравя.

Можетъ быть капля яда,
Еще цѣпнящій мигъ—
И я бы навѣкъ поникъ
Подъ тяжестью жаднаго взгляда!

Но вздрогнуло нѣжное тѣло,
И вырвался жизни крикъ,
И робко въ глазахъ возникъ
Свѣтъ розовато-бѣлый.

1.

ВЪДЬМА.

Н. Гумилеву.

Луна, какъ голова, съ которой
Кровавый скальпъ содраль закатъ,
Вохрой окрасила просторы
И замутила окна хатъ.

Потомъ, расталкивая тучи,
Стирая кровь о ихъ бока,
Взошла и—желтый и тягучій
Погнала лучъ издалека.

И въ хатѣ мшистой, кривобокой
Закопошилось, поползло,
И скоро—пристальное око
Во дворъ вперилось сквозь стекло.

И въ тишинѣ сторожкой можно
Разслышать было, какъ рука
Нащупывала осторожно
Задвижку—возлѣ косяка.

Безъ скрипа, шелеста и стука
Горбунья выльзла и—вдругъ
Въ худую жилистую суку
Оборотилась и—на лугъ.

Цѣпляясь острыми когтями,
Перескочила черезъ тынъ,
И вотъ—прыжки несутъ ужъ сами
Туда, гдѣ легъ кротомъ овиень.

А за овиномъ, въ землю вросшимъ, —
Коровье стойло: жвачка, сапъ.
Подкрадывается къ горожѣ,
Зажавши хвостъ межъ заднихъ лапъ.

Одинъ, другой,—совѣмъ нетвердый,
Прозрачно-легкій, легкій шагъ,
И—сѣрая собачья морда
Нырнула въ глубь въ полупотъмахъ.

Въ углы шарахнулась скотина.
Не помышляя о грѣхѣ,
Во снѣ подпасокъ долгоспинный
Раскинулся на кожухѣ.

И отъ кого-то заскоружлой
Отмахивается рукой...
А утромъ—розовое сусло
(Не молоко!)—пошлетъ удой.

А если-бъ и очнулся пастырь,
Не сцапалъ бабы-бъ все равно:
Прикинется метлой вихрастой,
Валяется бревномъ-бревно.

И только перваго приплода
Опасень въдъмамъ всѣмъ щенокъ:
Зачуетъ, охъ, и—огороды
Гребетъ ногами наутекъ.

И въ низкой хатѣ мелкой дрожью
Исходить, корчась на печи,
Какъ будто гибель—кару Божью—
Несли въ щенкѣ луны лучи!

НА ФОНТАНКѢ.

Швейцарихи въ домѣ на площадь
И службу и долю несутъ,
А воды граниты полощатъ
И вдовьи бесѣды блодутъ.

И какъ не повѣрить цыганкѣ—
„Въ каретѣ кататься тебѣ“,—
Когда въ угловомъ на Фонтанкѣ
Привольнѣй живу голубей!

Высокій, немного съ одышкой,
А руки—бѣлѣ моихъ.
Хотя некрасивъ, но не слишкомъ:
Усмѣшка въ устахъ золотыхъ.

Ахъ, эта усмѣшка! такая жъ,
Такая жъ она, какъ тогда:
Въ „Аполло“ (навѣрное, знаешь)
Толкнула меня безъ труда.

На сценѣ открытой кривляться,
И пѣть, и плясать—веселѣй,
Чѣмъ гдѣ-то по улицамъ шляться,
Тереться у спинъ да локтей.

И даже забавно—купчину
Заставить тряхнуть кошелькомъ:
Во льду прохлаждаются вина,
А я—на другого тайкомъ.

Два раза въ недѣлю учтиво
Приходить ко мнѣ въ бѣль-этажъ.
Два раза! Ты скажешь: лѣнивый.
Но за два и десять отдашь!

Недаромъ плечо искусила
Ему я до самой крови,
И томный, и теплый—усталый—
Когтящей не хочетъ любви.

И что же? На* третій,—какъ прежде,
Свирѣпъ онъ и бѣшенъ къ себѣ.
А я? Я—глупа... Хоть зарѣжьте,
Привольнѣй живу голубей!

Изъ глазъ его добрыхъ и карихъ
Усмѣшка въ усы перешла,
И всѣ—отъ обѣихъ швейцарихъ
До разныхъ друзей безъ числа—

Пронизаны взоромъ далекимъ.
Какъ счастлива я на-яву!
Вѣдь, въ домѣ, что выперся бокомъ
На площадь, надъ рѣчкой живу.

ВЪ ДНИ ПЕРЕЛЕТА.

Говорятъ, наши предки кочевали
Осенью и весной.
Оттого такъ влекутъ насъ дали,
Такъ волнуетъ вѣтеръ и прибой—
Осенью и весной.
У меня весенняя тоска
Расцвѣтаетъ рано въ февралѣ.
Вьюги снѣжныя... И нѣтъ ни лепестка,
Ни слѣдовъ звѣриныхъ на землѣ...
Но уже въ тревожномъ февралѣ
Ярка моя тоска.
И я думаю въ томительной печали,
Побѣзда провожая на вокзалѣ
И на муфтѣ поглаживая мѣхъ,—
Отъ сырости запахшія звѣремъ мѣхъ,—
Что отцы мои навѣрно кочевали
Дольше всѣхъ.

ЧУЖІЯ ГОРЫ.

Я живу у невысокихъ горъ,
Шиповникомъ поросшихъ и бурьяномъ.
Къ нимъ привыкъ мой равнодушный взоръ.
Но лишь ночь затянетъ ихъ туманомъ,
Все кажется причудливымъ и страннымъ,
Всѣ вершины таинственнѣй и выше,—
Можно думать, что это Гималаи...
И въ сыромъ туманѣ я мечтаю
Подъ луной, на плоской дачной крышѣ,
Кутаясь въ шершавый теплый пледъ:
„Этихъ странъ я совсѣмъ не знаю,
Этихъ горъ еще на картѣ нѣтъ...“.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТОСКАНѢ.

Странно думать, что еще недавно
Были мы на тихихъ площадяхъ,
Гдѣ святые лѣплятся забавно
На убогихъ низенькихъ домахъ,

Гдѣ на двери ветхаго собора
Нарисована Господня Мать,
Блѣдная настолько, что ужъ скоро
Трудно будетъ краски разобрать,

И гдѣ женщины вокругъ дельфина
Воду набираютъ въ кувшины,
А припавшія къ землѣ маслины
Въ предзакатный сонъ погружены,

Гдѣ, сливаясь съ синевой хрустальной,
Мы какъ дѣти улыбались вновь,
Гдѣ казалась мирной и печальной
Наша безпокойная любовь.

Н. М-ОИ.

Твои манеры милой тетки
Изъ блѣдно розовой гостиной,
И голосъ медленный и кроткій,
И на груди аквамарины...

Но взоръ твой, ускользя праздно
Въ пустой и безразличной лѣни,
Таитъ всѣ прихоти соблазна,
Всѣ смѣны прежнихъ наслажденій.

Какъ странно видѣть у ребенка,
Въ минуты тихаго мечтанья,
Какой то слѣдъ усмѣшки тонкой
Непоправимаго познанья.

СОНЕТЫ СОРОЧЬЯГО БАЗАРА.

1.

КОРОВІЙ ТОРГЪ.

Базаръ гудить. Торгуютъ чѣмъ попало:
Дровами, тыквами, капустой, льномъ.
Коровъ удойныхъ навели немало.
Близъ нихъ немолчный говоръ и содомъ.

Вотъ баба языкомъ язвить, какъ жаломъ,
Барышника въ поддевкѣ и съ кнутомъ.
Тотъ отвернулся, разговоръ про сало
Завелъ съ гнусавымъ тощимъ старикомъ.

Здѣсь сгрудилась къ возамъ толпа густая.
Тамъ продавца купцы за полы рвутъ.
Кругомъ глазѣютъ, бѣгаютъ, снуютъ.

Искусно брань божбой пересыпая,
Цыганъ горланить, а другой молчкомъ
Суеть въ коровье вымя кулакомъ.

2.

СУМЕРКИ.

Промозглый вечеръ хмурой пеленою
Окуталь площадь. Сѣрые лари,
Омытые водою дождевою,
Блестять. У нихъ оборваны внутри

Полотнища. Убогой бахромою
Играетъ вѣтеръ, дуетъ въ фонари
И лужи серебрить на мигъ струею.
Не будетъ, не было и нѣтъ зари.

Кой-кто мелькнетъ. Вотъ смѣло черезъ грязь
Охотникъ до старья, татарскій князь,
Идетъ подъ зонтикомъ и съ мѣднымъ тазомъ.

Еще двѣ-три иззябшихъ старушонки
Торопятся, звонокъ услышавъ конки,
Мигающей впотьмахъ зеленымъ глазомъ.

3.

КАРУСЕЛЬ.

Кружится карусель. Петрушка визгомъ тонкимъ
Морочить публику, столпившуюся зря.
Лады гармоники, залихватые и звонки,
Играютъ весело лихого комаря.

Плывутъ подь музыку обтертые обломки
Коней и лебедей и самого царя
Пустыни—льва съ хвостомъ. Звѣрье наперегонки
Слѣшить, узорами сусальными горя.

Ихъ крѣпко осѣдлавъ, иль избоченясь смѣло,
Въ поддевкахъ мужики, мальчишки въ картузахъ,
Иль баба, взгромоздивъ разсыпчатое тѣло,

Свершаютъ быстрый путь, пріятный скрывши
страхъ.

А тамъ внизу толпа, завидуя избраннымъ,
Гогочеть и клеймитъ счастливецевъ словомъ бран-
нымъ.

4.

ТОРГОВКИ.

Ядреная, съ румяными щеками,
Съ пушкомъ чуть-чуть замѣтнымъ на губахъ,
Иль старыя, но съ хитрыми глазами
И ласковымъ умѣніемъ въ рѣчахъ,

Онѣ—душа базара. За рядами
Шафранныхъ тыквъ, или копошась въ горахъ
Вилковъ, хрустящихъ бѣлыми листьями,
Проводятъ дни, за свой торгуя страхъ.

Здѣсь распиваютъ чай, держась за блюда,
Бранятъ съ товаркой мужа—душегубца:
Имъ весь кварталъ отчетливо знакомъ.

Какъ мантию, свои раскинувъ полы,
Онѣ, царицы, сдѣлали престолы
Изъ ящичковъ, поставленныхъ вверхъ дномъ.

К Р И Т И К А.

Борисъ Садовской. Пятьдесятъ Лебедей. Стихотворенія 1909—1911. Изд. „Огни“. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Въ сравненіи съ „Позднимъ Утромъ“, появившимся три года тому назадъ, новая книга Бориса Садовского представляетъ значительный шагъ впередъ. Но можетъ быть именно потому, что собранные въ ней стихи совершеннѣе прежнихъ, они въ еще большей степени производятъ впечатлѣніе намѣренно вызванныхъ къ жизни челоѡкомъ, любящимъ преданія русской поэзіи. Они лишены живого трепета, никогда не зовутъ, ничего не сулятъ. Ихъ воздѣйствіе чисто книжное, и если радуешься тому, что въ нихъ удачно, то тѣмъ досаднѣе нервдкіе промахи и ничѣмъ не искунаемые пустыя мѣста. Въ „Пятидесяти Лебедяхъ“ уже не встрѣтитъ той заражающей силы, которая была въ иныхъ стихотвореніяхъ „Поздняго Утра“, какъ, на примѣръ: „Въ жаркій полдень обвалилась“ и „Морское купанье“.

М. Л.

Орлы надъ пропастью. Предзимній альманахъ. Изд. Петербургскій Глашатай. 1912 г. Ц. 25 к.

Альманахъ „Орлы надъ пропастью“ является послѣднимъ выступленіемъ группы эго-футуристовъ. Въ програмной статьѣ „Первый годъ эго-футуризма“ находимъ, среди другихъ, слѣдующія изрѣченія: „(для насъ) Державинимъ сталъ Пушкинъ“, „объ опроверженіи говорить не приходится. Ясно, что г. О. М. Достоевскій былъ неправъ, говоря вышеприведенное“, „Вообще эго-футуристъ фундаментируется на Интуиціи“ и т. д.

Разсмотримъ творчество адептовъ этого новаго направленія. Федоръ Сологубъ, которымъ открывается альманахъ, далъ самое дурное изъ всѣхъ своихъ стихотвореній. Валерій Брюсовъ въ сонетѣ „Игорю-Сѣверянину“ предсказываетъ этому послѣднему: „и скоро у ногъ своихъ весь міръ увидишь ты!“ Самъ Игорь-Сѣверянинъ находитъ, что „пора популяризировать... огимнивъ эксцессъ въ вирэе!“ А. Скалдинъ рабски подражаетъ Юрію Верховскому. А. Купринъ помѣстилъ письмо къ издателю альманаха г. Игнатьеву, въ которомъ высказываетъ сожалѣніе, что не могъ попасть на поэзо-концертъ. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ статья г. Казанскаго, гдѣ „Poesia“, издающаяся въ Миланѣ, названа римскимъ футуръ-журналомъ, и гдѣ перечисляются предтечи эго-футуризма: Фофановъ, Лохвицкая, Уайльдъ и Бодлэръ. Кромѣ того, на обложкѣ напечатаны стихотворенія еще четырехъ поэтовъ. Обо всѣхъ можно сказать одно: вульгарность и безграмотность переносимы лишь тогда, когда онѣ не мнятъ себя утонченностью и геніальностью.

Г. Н.

Александръ Рославлевъ. Цѣвница. Стихи 1905—1911 г. Изд. „Союзъ“. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Третья книга стиховъ А. Рославлева представляетъ собой перепечатку второй („Карусели“. Спб. 1910), включенной цѣликомъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ стихотвореній изъ первой книги („Въ Башнѣ“. Спб. 1907) и нѣкотораго количества новыхъ.

Стихи новые не лучше старыхъ. Нѣтъ, кажется, поэта, имѣющаго опредѣленный обликъ, изъ котораго А. Рославлевъ не сдѣлалъ бы заимствованій. Полное отсутствіе творческой силы при неряшливой версификаціи характеризуетъ всю „Цѣвницу“.

С. Г.

Георгій Ивановъ. Отплыть на о. Цитеру. Поэзы. Книга первая. Изд. Едо. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Небольшой міръ, раскрываемый въ этой книгѣ, только спутникъ старшей планеты—поэзіи Кузмина. Но своеобразный голосъ, которымъ ведется рассказъ объ этомъ мірѣ, убѣждаетъ насъ, что творчество Георгія Иванова сумѣетъ выйти на самостоятельный путь и двигаться по нему увѣренно. „Отплыть на о. Цитеру“ обращаетъ на себя вниманіе не своими темами, а ихъ искуснымъ воплощеніемъ въ слово. Замѣчательная для начинающаго поэта увѣренность стиха, власть надъ ритмами, умѣніе по новому сопоставить и оживить уже привычные образы, способность къ скульптурно-красочной передачѣ зрительныхъ воспріятій, всѣ эти качества—вѣрное оружіе, на которое можно по-

ложиться. Хочется думать, что Георгій Ивановъ не посвятитъ его пышной забавѣ турнировъ, а найдетъ въ себѣ рѣшимость поднять его для завоеваній. Ц. 75 к.

М. Л.

И. Эренбургъ. Одуванчики. Парижъ 1912. Ц. 75 к.

„Одуванчики“—третья книга Эренбурга. Острая парижская тоска растворяется въ безнадежной „левитановской“ влюбленности въ русскую природу. Но скромная, серьезная быль г. Эренбурга гораздо лучше и плѣнительнѣе его „сказокъ“. Очень простыми средствами онъ достигаетъ подчасъ высокаго впечатлѣнія безпомощности и покинутости. Онъ пользуется своеобразнымъ „тютчевскимъ“ приемомъ, воплотивъ въ духѣ русскаго стиха, облекая наиболѣе жалобныя сѣтованія въ ритмически-суровый ямбъ. Пріятно читать книгу поэта, взволнованнаго своей судьбой, и осозать небольшие, но крѣпкіе корни несчастныхъ лирическихъ настроеній. Эпитеты блѣдны, но обдуманно, неожиданно и вѣтъ, но вѣтъ и скуки. Одинъ изъ немногихъ, г. Эренбургъ понялъ, что отъ поэта не требуется исключительныхъ переживаній. Тѣмъ цѣниѣе общеобязательность лирическаго событія. Однако, нѣсколько застѣнчивое, несвободное отношеніе автора къ явленіямъ своей душевной жизни передается читателю, между тѣмъ какъ истинное поэтическое цѣломудріе дѣлаетъ ненужнымъ стыдливое отношеніе къ собственной душѣ.

М.
